

ОЧЕРК VIII

ВРЕМЕННАЯ ВЛАСТЬ И ВОПРОС О СУДЬБЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В МАРТЕ 1917 ГОДА

В дни Февральской революции властные функции Государственной думы претерпели существенные изменения. Дума, в лице ее Временного комитета, получила права Верховной власти уже в момент отстранения царского правительства. Оно сопровождалось арестами министров и назначением комиссаров в министерства и другие правительственные учреждения. В результате этого сложилась следующая комбинация власти: ВКГД — орган Верховной власти, комиссары Временного комитета в министерствах — исполнительная власть, при этом Временный комитет Думы выступал в качестве коллективного главы правительства.

Данная комбинация имела некоторые весьма существенные неудобства. Так, Верховная власть Временного комитета Думы была ограничена, во-первых, сотрудничеством с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, а во-вторых, фактом формально еще существовавшей Верховной власти императора Николая II. Кроме этого, бездействие законодательных палат и кабинета министров создавало непрочность правительственной конструкции, что, в свою очередь, подталкивало ВКГД к переустройству сложившейся комбинации революционной власти. Какой же характер носила эта власть? Какое место в новой конструкции предусматривал для себя Временный комитет Думы? Собирался ли ВКГД восстанавливать полностью парламентские функции Государственной думы и насколько далеко готово было пойти сформированное 2 марта 1917 г. Временное правительство в своей поддержке предложений руководящего состава Временного комитета?

1. Вопрос о верховенстве Временной власти Государственной думы

Начиная с 27 февраля 1917 г. Государственная дума предпринимала шаги к созданию новой власти. В отечественной историографии эта деятельность Думы хорошо изучена.¹ Поэтому мы остановимся лишь на событиях, которые имели значение именно для характеристики Временной власти Государственной думы.

Под давлением телеграмм М.В.Родзянко и фактической победы революции в Петрограде вечером 1 марта Николай II решился на создание нового правительства. Первоначально Николай II хотел поручить Родзянко составить «министерство, ответственное перед его величеством». Но вскоре император отказался от своего намерения. В 11 часов 30 минут вечера главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н.В.Рузский доложил Николаю II телеграмму из Ставки за подписью начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В.Алексеева, в которой содержался проект манифеста о создании ответственного перед народными представителями министерства «из лиц, пользующихся доверием всей России»,² «возложив образование его на председателя Государственной Думы». Император, по словам Рузского, принял «окончательное решение» «дать ответственное перед законодательными палатами министерство» и поручить тому же Родзянко составить кабинет. Манифест предполагалось опубликовать «сегодня 2 марта с пометкой “Псков”».³

Об этих решениях императора М.В.Родзянко был проинформирован в ночь с 1 на 2 марта по прямому проводу генералом Н.В.Рузским. М.В.Родзянко согласился ознакомиться с проектом этого манифеста, но одновременно сообщил об обстановке в Петрограде и дал понять, что этого манифеста будет недостаточно. Родзянко подчеркнул, что «династический вопрос поставлен ребром». Председатель Думы открыто заявил Рузскому, что необходимо отречение Николая II.⁴

Эти переговоры интересны не только тем, что они характеризуют Государственную думу как центр революции, но и тем, что император Николай II собирался передать Государственной думе часть прав власти Верховной. Вряд ли председатель Думы был до конца уверен в том, что его требование о необходимости отречения будет услышано императором. Не исключена была возможность того, что Николай II ограничится важной, но уже ничего не решающей уступкой — созданием ответственного министерства.⁵ Но и в этом случае Родзянко, имея на руках проект манифеста с четко выраженной волей монарха, получал возможность предпринять шаги по созданию кабинета министров. Мероприятия Родзянко в этом направлении (до опубликования манифеста) могли затем быть соответствующим образом оформлены Верховной властью монарха. Не исключено, что именно так и рассуждал председатель Думы и ВКГД. В противном случае он не стал бы даже брать проект манифеста для ознакомления и внесения замечаний.

На заседании ВКГД в ночь с 1 на 2 марта было принято постановление образовать Временный общественный совет министров.⁶ 2 марта М.В.Родзянко в телеграмме Николаю II сообщал, что «в настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству»; 3 марта Родзянко в переговорах с генералом М.В.Алексеевым говорил о том, что новое правительство уже «нами», т.е. ВКГД, назначено, сформировано.⁷ В официальном сообщении «От Временного правительства» указывалось, что «Временный комитет Гос[ударственной] думы назначает министрами <...> следующих лиц».⁸ Для нас важно указание на факт назначения нового правительства, что, конечно, говорило об узурпации Верховной власти Комитетом.

В других публикациях, не носящих официального характера, говорилось, что состав Временного правительства «установлен после переговоров» ВКГД и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.⁹ Факт согласования вопроса о новом правительстве с Исполкомом Петросовета, конечно же, говорил о том, что Совет рабочих и солдатских депутатов превратился во второй источник власти. На наш взгляд, это являлось продолжением и развитием думско-советского сотрудничества, реализуемого начиная с 27 февраля 1917 г.

Подчеркнем, что это сотрудничество было основано, в частности, на «похожести» некоторых качественных характеристик ВКГД и Петросовета как органов, возникших в условиях революции, а также на совпадении позиций по вопросу о власти. Во-первых, и Временный комитет Думы, и Петроградский Совет являлись (на первый взгляд!) самочинными организациями. Во-вторых, ВКГД был организован как бы для восстановления порядка, а Совет создавался как «властная организация <...> для успешного завершения борьбы в интересах демократии».¹⁰ Однако фактически их деятельность была направлена против существующей власти. В-третьих, вопрос о новой власти в первые дни ставился неопределенно, как политическая перспектива, и Советом, и ВКГД.

Вместе с тем в этой «похожести-совпадении» есть два существенных различия. Во-первых, в создании Комитета приняли участие Частное совещание членов Государственной думы и Совет старейшин Думы. По крайней мере один из участников создания ВКГД — Совет старейшин — исключающий орган. Петроградский Совет рабочих депутатов был создан исключительно на самочинных началах. Правда, необходимо признать наличие своеобразного думского прикрытия в форме предоставления Петросовету помещения Таврического дворца, где заседала Государственная дума, а также вхождения в состав Исполкома Петросовета депутатов Думы Чхеидзе и Керенского.

Во-вторых, при решении вопроса о власти ВКГД имел больше прав, чем Петроградский Совет. Напомним, что Временный комитет Думы только в своем названии нес ограниченные функции — восстановление порядка. В действительности уже 27 февраля (в ходе утверждения своего состава) ВКГД получил неограниченные полномочия, которые мы склонны трактовать как наказ депутатов Временному комитету возглавить революцию и создать новую власть. Совет старейшин, кстати, не выступил с протестом против ликвидации ограниченных полномочий Временного комитета Думы. Кроме этого, ВКГД действовал в вопросе о власти более решительно, чем Петроградский Совет рабочих депутатов.

Что касается Петроградского Совета, то его права на революцию в большей своей части были приобретены благодаря сотрудничеству с Государственной думой, т.к. в первое время Совет был вынужден заниматься организационной работой. Только 1 марта под давлением революционной улицы в ходе общего собрания Петроградского Совета была озвучена задача уничтожения царского режима.¹¹ После этого представители Исполкома активно включились в обсуждение вопроса о создании Временного правительства.

Остается выяснить, какая формула была реализована при создании Временного правительства. Формула «ответственного» министерства или «кабинета общественного доверия»?¹² Возможно, ответ содержался в речи П.Н.Милюкова, произнесенной 2 марта сразу после окончания переговоров по организации нового правительства? Милюков, выступая перед моряками, солдатами и гражданами, собравшимися в Екатерининском зале Таврического дворца, говорил: «<...> мы слишком хорошо помним, что сами мы еще недавно защищали начало ответственности власти перед народными избранниками, мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободные избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть других людей, более заслуживающих их доверия».

Кого имел в виду Милюков, говоря о свободных избранных народом представителях? Депутатов IV Государственной думы, избранных на основе ограничительного, реакционного избирательного закона (который лишил избирательных прав большие массы народа) и работавших в Думе в условиях чрезвычайно-указного законодательства? Или речь шла о каком-то будущем органе народного представительства, состоящем из депутатов, свободно избранных народом? Милюков хитрил по поводу ответственности Временного правительства. Но буквально в следующих предложениях все его недосказанности стали понятны. Милюков открыто заявил: «Но не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрепить победу народа». Таким образом, перед членами IV Думы Временное правительство нести ответственность и слагать свои полномочия, в ответ на их требования, не собиралось. В этой же речи Милюков высказался вполне определенно о формуле правительства. Он рассматривал Временное правительство как «общественную власть, выдвинутую народом».¹³

Одновременно с этим Милюков заявил о сохранении династии Романовых. Новый правительственный кабинет рассматривал себя как «правительство общественного доверия», которое будет существовать при монархе (регенте). Формула «общественного кабинета» содержалась и в преамбуле к декларации Временного правительства от 3 марта. Но текст преамбулы и сама декларация включали в себя элементы, говорящие о важном месте Государственной думы в конструкции власти. В частности, первой под декларацией шла подпись председателя Государственной думы М.В.Родзянко.¹⁴

Позиции Государственной думы значительно усилились с момента появления Манифеста об отречении Николая II. Он устанавливал парламентский строй, реальную конституционную монархию, заповедуя великому князю Михаилу Александровичу «править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены».¹⁵ Указом Правительствующему Сенату император назначил председателем Совета министров князя Г.Е.Львова.¹⁶

Опираясь на принцип «парламентского строя», М.В.Родзянко предполагал сохранить в новой комбинации власти Временный комитет Государственной думы как Верховную власть. В переговорах 3 марта с гене-

ралами М.В.Алексеевым (с 6 часов до 6 часов 45 минут утра) и Н.В.Рузским (в 8 часов 45 минут утра) он обмолвился о роли ВКГД. Алексееву Родзянко сообщал следующее: «<...> предполагается необходимым созыв Учредительного, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат».¹⁷ Верховный комитет — это, несомненно, переименованный Временный комитет Государственной думы, наделенный полномочиями Верховной власти. Несколько позднее Родзянко говорил по прямому проводу Рузскому: «Все остается в таком виде: Верховный совет, ответственное министерство и действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным собранием». Н.В.Рузский попросил уточнить: «Скажите, кто во главе Верховного совета [?]». М.В.Родзянко поспешил ответить: «Я ошибся: не Верховный совет, а Временный комитет Государственной думы под моим председательством».¹⁸ В ходе переговоров Родзянко дал ясно понять Рузскому, что воцарения Михаила не будет. Заметим, что при этом разговоре присутствовал Г.Е.Львов, который не проявил какого-либо недовольства данной комбинацией власти. Трудно поверить, что Родзянко в этот день несколько раз ошибался, внося в название Временного комитета Думы понятие «верховный». Возможно, что он размышлял над тем, как назвать ВКГД в новой конструкции власти? Но даже при сохранении старого названия существенную роль играет факт предполагаемого сохранения ВКГД в механизме Временной власти до Учредительного собрания при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного министерства.

Какие функции, полномочия Родзянко собирался придать ВКГД? Г.М.Катков считает, что Родзянко предполагал превратить ВКГД в «регентский совет».¹⁹ В.И.Старцев замечает, что Родзянко «прочил себя чуть ли не в президенты».²⁰ Заметим, что некоторые современники тоже рассуждали о повышении статуса Родзянко. Монах Нестор 5 марта 1917 г. написал ряд записок, среди них — «Какое должно быть в России правление». В ней Нестор заявлял: «<...> верховный Председатель Думы есть всероссийский император, который только имеет власть как Председатель».²¹ Во всяком случае, можно утверждать, что Родзянко мечтал о сохранении за ВКГД характера Верховной власти.

Подчеркнем, что такая конструкция власти первоначально не вызвала никаких возражений М.В.Алексеева. Но прошло несколько часов, и он стал проявлять некоторые сомнения. После часа дня 3 марта он разослал телеграмму главнокомандующим фронтам, в которой сообщил о своем разговоре с Родзянко. Алексеев в этой телеграмме высказал сомнения относительно мотивов, которыми председатель Думы объяснял необходимость новой комбинации власти.²² Телеграмма была отправлена и Рузскому. Несколько позднее М.В.Алексеев стал убеждать главнокомандующих фронтами, что в основу конструирования новой правительственной власти положена формула ответственного министерства. Так, 3 марта в 2 часа 30 минут главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант А.А.Брусиллов получил телеграмму М.В.Алексеева, в ко-

торой тот, в частности, сообщал: «<...> В согласии с Госуд[арственной] Думой Государь Император Указом Пр[авительствующему] Сенату назначил Председателем Совета Министров, ответственного перед народными представителями министерства — князя Георгия Евгеньевича Львова».²³ Заметим, что здесь нет никакого упоминания о сохранении за ВКГД прав Верховной власти.

Генерала Н.В.Рузского, видимо, больше устраивала схема власти, изложенная М.В.Родзянко утром 3 марта. Это видно, в частности, из воззвания Рузского к населению от 4 марта, текст которого приводит в своем исследовании Г.М.Катков: «Исполнительная власть передана правительству, которое ответственно перед законодательными учреждениями и которое состоит из лиц, избранных народом и объединенных горячим желанием организовать внутреннюю жизнь страны и предоставить все необходимое для армии и для гражданского населения. В то же время члены Государственной Думы сформировали Комитет, чтобы создать новые основы управления страной».²⁴ Таким образом, можно утверждать, что комбинация власти по Родзянко нашла поддержку у части высшего военного командования.

Судя по всему, такая схема власти не являлась плодом личных интриг Родзянко, а была достигнута в результате какого-то соглашения. М.В.Алексеев днем 3 марта был уверен, что это соглашение состоялось на переговорах думских деятелей с Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который пошел на него, не желая воцарения великого князя Михаила Александровича.²⁵ Но ни в протоколах Петроградского Совета,²⁶ ни в мемуарах современников,²⁷ ни в исследовательской литературе²⁸ о заключении такого соглашения между ВКГД и делегацией Исполкома Петроградского Совета каких-либо упоминаний обнаружить не удалось.

Вместе с тем глава Временного правительства Г.Е.Львов был в курсе этого плана М.В.Родзянко. Возможно даже, что между Г.Е.Львовым и М.В.Родзянко было заключено соглашение по поводу осуществления именно такой конструкции власти. Но что мог предложить председатель ВКГД Родзянко, в обмен на согласие поддержать его комбинацию власти, главе Временного правительства Г.Е.Львову? Только стать партнером лиц, заинтересованных в том, чтобы великий князь Михаил Романов отказался от взятия Верховной власти в свои руки. И действительно, Родзянко вел себя активно, добиваясь этого от Михаила.²⁹

В Акте Михаил Александрович отказывался от власти в пользу Учредительного собрания. Здесь же содержался призыв к гражданам России подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы «возникшему и облеченному всей полнотой власти».³⁰ Считается, что этот Акт уничтожил «парламентский строй», введенный отречением Николая II, и создал полновластное Временное правительство.³¹ Но, на наш взгляд, ничего этого не произошло. В этом документе Михаил не принял Верховную власть и поэтому ничего уничтожить или создать не мог. Акт лишь консервировал ситуацию, порожденную Манифестом Николая II, который даровал России «парламентский строй».

Кажется даже, что шансы Родзянко и ВКГД в этот момент еще более возросли. Михаил, не восприняв Верховную власть, давал возможность

Временному комитету Государственной думы взять ее. ВКГД донес бы бремя Верховной власти до Учредительного собрания.

2. Разрешилась ли судьба Государственной думы на первом самостоятельном заседании Временного правительства?

В.И.Старцев считает, что важнейшим шагом, определившим судьбу Государственной думы, стало первое самостоятельное заседание Временного правительства. «Журнал» этого заседания, ранее обнаруженный и опубликованный В.Н.Сторожковым,³² привлек внимание В.И.Старцева и был им использован для доказательства диктаторского характера Временного правительства.³³ Судя по «журналу», это заседание Временного правительства проходило 2 марта. В частности, на нем обсуждался вопрос «о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы». Участники заседания высказались в том смысле, что «вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва».

Также говорилось, что «нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думы может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 Основных Законов, так как после происшедшего государственного переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент».³⁴

В историографии существует мнение, что Старцев доказал подлинность протокола первого заседания Временного правительства.³⁵ Действительно, Старцев уделяет достаточно большое внимание этому документу на страницах своих исследований. Вместе с тем, сделаем несколько замечаний источниковедческого характера, которые помогут выяснить истинное значение этого «журнала».

Во-первых, в документе не указаны присутствовавшие на заседании Временного правительства. Согласно тексту «журнала», можно установить участие в работах заседания министра-председателя Г.Е.Львова, министра иностранных дел П.Н.Миллюкова, министра финансов М.И.Терещенко, министра юстиции А.Ф.Керенского и морского министра А.И.Гучкова. Воспоминания Б.Э.Нольде дополняют список участников заседания. Он писал, что на заседании присутствовали министр земледелия А.И.Шингарев, государственный контролер И.В.Годнев, обер-прокурор Синода В.Н.Львов и министр путей сообщения Н.В.Некрасов.³⁶ Во-вторых, не указано время работы заседания. В-третьих, не отмечены особые мнения министров при обсуждении способа законодательства. Б.Э.Нольде, например, вспоминал, что в ходе заседания И.В.Годнев и А.И.Шингарев предполагали использовать при законодательной деятель-

ности 87 статью.³⁷ В-четвертых, решения правительства записаны в «журнале» вне официальной формы.

Особо рассмотрим вопрос о датировке «журнала». Отметим, что события, нашедшие отражение в этом «журнале», не соответствуют указанной дате. В «журнале» речь идет о событиях 3 марта, а документ датирован 2 марта. Мы выявили три таких несоответствия: 1. Постановление Исполкома Петросовета о судьбе Николая II и членов династии Романовых было принято 3 марта; 2. Товарищ МВД Д.М.Щепкин был назначен 3 марта; 3. Военный и временно морской министр А.И.Гучков мог принять участие в заседании только после своего возвращения в Петроград, т.е. 3 марта.

Старцев тоже обращает внимание на некоторые несоответствия. Он приходит к следующему выводу: «Заседания правительства носили еще хаотический характер, и, видимо, этот журнал отражает как вопросы, обсужденные 2 марта, так и вопросы, возникшие 3 марта».³⁸ С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Но датировать этот «журнал» необходимо именно 3 марта. То, что это заседание Временного правительства проходило 3 марта, вспоминал Б.Э.Нольде.³⁹

Протокол составил Я.В.Глинка, который временно исполнял обязанности управляющего делами Совета министров. Составленный «журнал» вызвал резкую критику преемника Глинки — В.Д.Набокова, который писал в своих воспоминаниях, что «запись <...> была сделана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно».⁴⁰ Биограф Глинки Б.М.Витенберг прямо не говорит о том, почему высококвалифицированный чиновник не смог составить «журнал» заседания Временного правительства по форме. Однако дает понять, что Глинка не завершил работы над «журналом» ввиду своего несогласия с позицией Временного правительства. Витенберг приводит запись Глинки, относящуюся к этому заседанию Временного правительства: «На первом же заседании Совета М[инистр]ов, на котором мне пришлось присутствовать, меня поразило то, что первым [вопросом] был поставлен вопрос об уничтожении Гос[ударственной] Думы, то есть сами вырвали у себя из-под ног фундамент, на который могли опираться».⁴¹ Итак, во-первых, как можно понять из трудов Витенберга, работа над журналом не была завершена, и, во-вторых, по утверждению Набокова, «журнал» заседания Временного правительства был составлен совершенно неудовлетворительно. Остается неясным, почему Набоков не исправил положения дел, почему он не привел «журнал» в порядок? Может быть потому, что никаких вполне определенных решений о судьбе Государственной думы принято не было, а все осталось лишь на уровне рассуждений и предположений? Действительно, далее в этой записи содержится ясное указание на то, что «для выяснения всех этих вопросов Временное правительство постановило образовать при Совете министров особую комиссию».⁴²

На основе этого неполноценного документа В.И.Старцев делает вывод о том, что на первом заседании «речь шла фактически об установлении неограниченной законом и парламентом диктатуры Временного правительства» и что «в первом же столкновении с новой властью, вышедшей

из ее недр и «по почину» ее возникшей, Дума потерпела поражение и была немедленно отодвинута на задворки политической жизни». ⁴³ С этим утверждением нельзя полностью согласиться, и де-факто, и де-юре положение Временного правительства было иным.

В действительности же протокол первого заседания Временного правительства позволяет нам увидеть лишь пожелания части министров. Среди этих пожеланий, во-первых, отменить ст. 87 Основных государственных законов и считать сами Основные законы недействительными, во-вторых, не возобновлять заседаний Государственной думы и, в-третьих, распустить ее орган — ВКГД.

Возможно, что «незаконченность» этого правительственного постановления объясняется намерением членов кабинета использовать ее в качестве инструмента давления на Родзянко. Т.е., в том случае, если председатель ВКГД предпринял бы какие-нибудь резкие шаги по реализации своей идеи сохранить за Комитетом права Верховной власти, высказанной утром 3 марта на переговорах с Алексеевым и Рузским, то Временное правительство сначала придало бы «журналу» заседания от 3 марта официальную форму, а затем и опубликовало бы его. Несомненно, что в России нашлись бы политические силы, которые одобрили такие шаги Временного правительства.

Если наши рассуждения верны, то Родзянко был соответствующим образом проинформирован, а его комбинация власти была отвергнута. Так, уже 3 марта в 7-м часу вечера А.И.Гучков по прямому проводу сообщил М.В.Алексееву о том, что «у власти остается Временное правительство, с князем Львовым во главе, и в составе вам известном, до созыва Учредительного Собрания, которому надлежит разрешить окончательный вопрос о государственном устройстве». В тот же день, но около 10 часов вечера Родзянко в беседе по прямому проводу с генералом А.С.Лукомским также ни словом не обмолвился о конструкции новой власти. ⁴⁴

3. Вопрос о законодательной деятельности Государственной думы и отмене Основных законов Российской империи и 87-й статьи

Можно ли считать, что Временное правительство отменило Основные законы на своем заседании 3 марта? Веских оснований для положительного ответа на этот вопрос нет. Если такое решение было принято, то оно должно было найти отражение в Декларации Временного правительства или других публичных актах. Но в Декларации в пункте 4 говорилось лишь о том, что «форму правления и конституцию страны» установит Учредительное собрание. ⁴⁵ Об отмене Конституции Российской империи (Основных государственных законов) Декларация умалчивала. В других публичных правительственных актах тоже ничего не говорилось об уничтожении Основных законов.

Добавим, что если Основные законы считались недействительными, то вместе с ними автоматически прекращали свое существование и законодательные палаты, т.к. они лишались юридической основы — главы 10 Основных законов. Эта глава содержит, во-первых, постановления о Го-

сударственном совете и Государственной думе, и, во-вторых, важнейшие статьи Учреждения Государственного совета и Государственной думы. ⁴⁶ В том случае, если Основные законы действительно были отменены, все рассуждения о возможности возобновления занятий Государственной думы, содержащиеся в журнале заседания Временного правительства от 3 марта, теряли свой смысл и были излишни. Но, как известно, Государственная дума была распущена только 6 октября 1917 г.

Сохранение Основных законов не дает абсолютной уверенности в том, что 87-я ст. тоже не была отменена. ⁴⁷ Отмена ее могла произойти отдельно от Основных законов.

Заметим, что вопрос о 87-й ст. был инициирован деятельностью министров Временного правительства, которые занялись пересмотром законов, имевших отношение к подчиненным им ведомствам. Так, министр путей сообщения Н.В.Некрасов поручил члену Государственной думы А.А.Добровольскому «пересмотреть все законопроекты, внесенные путейским ведомством в Г[осударственную] Думу». Особое внимание Добровольский должен был обратить на те законопроекты, которые были проведены в жизнь по ст. 87-й. Предполагалось часть из них уничтожить, а часть — переработать. ⁴⁸ Известно, что министр путей сообщения Н.В.Некрасов проводил отзыв законопроектов, внесенных ранее в Государственную думу. ⁴⁹

25 марта постановлением Временного правительства при Министерстве юстиции была образована Комиссия для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве. ⁵⁰ Можно предположить, что Министерство юстиции отзывало устаревшие законопроекты из Государственной думы. Аналогичная работа, видимо, велась и в других министерствах.

В связи с работой по реформированию законодательства встает вопрос о том, какова была судьба законов, проведенных ранее по ст. 87-й, внесенных до революции в Государственную думу на обсуждение и отозванных министрами Временного правительства? В случае отзыва законопроект считался «отпавшим», а меры, наступившие при его проведении по ст. 87-й, прекращали свое действие. Здесь же обратим внимание на сам факт проведения процедуры отзыва. Сохранение ее означало, что Временное правительство не исключало возможности возобновления законодательной деятельности Государственной думы.

14 марта 1917 г. Временное правительство приняло закрытое постановление, согласно которому все «акты верховного управления, состоявшиеся до 27 февраля 1917 г., должны почитаться законно состоявшимися». Естественно, что они подлежали опубликованию. Но публиковать их с указанием на последовавшее на них Высочайшее утверждение было политически неоправданно. Временное правительство нашло выход, который состоял в том, что Высочайшее утверждение заменялось указанием за подписью министра-председателя «на то, что законное утверждение акта последовало такого-то числа, месяца и года». Признавая все акты Верховного управления, в т.ч. и проведенные по ст. 87-й, «законно состоявшимися», Временное правительство тем самым признавало и возмож-

ность их внесения (невнесения) в Государственную думу в течение двух месяцев со дня открытия очередной сессии. Т.е., для первой половины марта несостоятельным оказывается суждение Ф.А.Гайды о том, что «фактически отмененным оказалось даже такое право парламента, как утверждение в течение двух месяцев законов, проводимых по 87 статье Основных законов».⁵¹

В этом же постановлении был разрешен вопрос с теми актами Верховного управления, последовавшими до 27 февраля, которые были несовместимы «с началами нового государственного строя». Их было решено не обнародовать.⁵² Но в данном случае прямо не говорилось о том, что они считаются утратившими силу, ввиду их неутверждения Временным правительством. Речь шла только о неопубликовании актов, несовместимых с новым строем. Т.е. они переводились в разряд законов, не вступивших в силу. Более определенного решения по этому вопросу пока вынесено не было. Тем самым, на наш взгляд, это постановление признавало, в частности, акты Верховного управления, которые были проведены в порядке ст. 87-й. Исходя из этого, можно предположить, что, признавая эти акты законными, Временное правительство тем самым признавало и ст. 87. Это позволяет сделать вывод о том, что в первую половину марта 1917 г. эта статья не была уничтожена.

Во второй половине марта 1917 г. Временное правительство вновь обратило свое внимание на 87-ю ст. На вечернем заседании 16 марта 1917 г. Временное правительство рассмотрело предложение «о преподании указаний относительно внесения в Государственную Думу предложений, оправдывающих проведение в порядке статьи 87 Основных Государственных Законов, узаконения о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев». Правительство постановило передать этот вопрос на заключение Юридического совещания при Временном правительстве.⁵³ Таким образом, и в этом случае статья 87 не была отменена Временным правительством полностью.

Ф.А.Гайда, говоря о том, что статья 87 «была отменена за ненадобность», сделал следующее замечание: «<...> но законопроекты, проведенные по ней до переворота, утверждены не были, хотя не отменялись автоматически, а только по решению нового правительства».⁵⁴ Однако это разъяснение только запутывает вопрос. В частности, Гайда не дает хронологической привязки данного разрешения вопроса о ст. 87. По крайней мере, такая интерпретация в полной мере не относится к марту 1917 г. Вторая часть суждения Гайды верна. Известны два постановления от 23 марта, согласно которым Временное правительство отменяло положения Совета министров, изданные по ст. 87. Первый из них касался положения от 31 января 1916 г. «об установлении в некоторых случаях уголовной ответственности за посягательства на нижних чинов Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка, как за преступные деяния против часовых». Второй — от 13 мая 1916 г. «о наказуемости лиц, принадлежащих к составу общественных и частных организаций, учрежденных для удовлетворения вызываемых войной потребностей, за совершенные сими лицами при исполнении своих обязанностей деяния, заключающие в себе

признаки подлога, мздоимства, лихоимства и особых злоупотреблений по подрядам и поставкам».⁵⁵ Но только 9 мая было принято постановление о том, что «дела, направлявшиеся в порядке статей 86 и 87 Основных Государственных законов (Св. Зак., т.1,ч.1, изд. 1906), разрешаются властью Временного правительства».⁵⁶ Однако и это постановление не означало автоматического прекращения действия ст. 87, т. к. оно предполагало в каждом конкретном случае разрешение того или иного дела Временным правительством. Но это положение можно трактовать и так: Временное правительство могло принять решение о внесении (или невнесении) того или иного закона на рассмотрение Государственной думы в случае ее созыва. Более того, Временное правительство само осуществляло, пусть и в узаконенном виде, законодательство по ст. 87. 3 апреля 1917 г. оно приняло следующее постановление: «Действие последовавшего 27 августа 1916 г., в порядке статьи 87 Основных Государственных Законов, постановления о воспрещении повышать цены на жилые помещения (Собр. Узакон. Ст. 1863) распространить на город Новониколаевск, Томской губернии».⁵⁷

Таким образом, ни Основные законы, ни ст. 87 Временным правительством отменены не были. Это позволяет утверждать, что с юридической точки зрения в марте 1917 г. Временное правительство не достигло полномочия и независимости от парламента (в смысле отсутствия правовых основ для деятельности законодательного представительства).

Проблема возобновления заседаний Государственной думы не была в марте злободневной для Временного правительства. Разрешение ее можно было спокойно отложить на апрель, так как именно до этого месяца Дума была распущена на каникулы указом Николая II. Но свою позицию по этому вопросу члены Временного правительства обсуждали в марте. Глава правительства князь Г.Е.Львов 5 марта в беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» заявил: «Вопрос о созыве палат в настоящее время не возбуждался. Волей народа Временное правительство сосредоточило в себе всю власть в Империи. Эту власть она сохранит до созыва Учредительного собрания, которое и должно будет определить образ правления России. Едва ли возможен созыв палат до созыва Учредительного собрания».⁵⁸

Отказ Г.Е.Львова созвать законодательные палаты депутат Н.В.Савич объяснял тем, что глава правительства опасался возникновения ситуации борьбы с «совдепом». «Упразднение Думы, установление собственного самодержавия пока что опасность этой борьбы устраняли». Именно по этому пути пошел Г.Е.Львов и поддерживавшие его кадеты.⁵⁹ Конечно, единства по этому вопросу во Временном правительстве не было.

Подчеркнем, что в марте 1917 г. на заседаниях Временного правительства и в официальных документах, опубликованных во всеобщее сведение, вопрос о возобновлении парламентской деятельности Государственной думы окончательно разрешен не был. Сама постановка вопроса о созыве Государственной думы на сессию Временным правительством говорила о преемственности власти Временного правительства от власти царской. Это позволяло создать видимость легитимности власти. Для придания ей устойчивости (в качестве усиливающего элемента), в формулу власти Временного правительства было включено положение о по-

лучении этой власти от революции, «волею народа». Первым из членов Временного правительства, кто решился оспорить у Государственной думы права на революцию, был П. Н. Милуков. Выступая 2 марта около 3 часов дня в Екатерининском зале Таврического дворца по вопросу об организации Временного правительства, он на вопрос: «Кто вас выбрал?» — ответил: «Нас выбрала русская революция».⁶⁰

Вместе с тем Временное правительство в марте не только признавало права Думы как источника власти, но и уважало ее законодательные права. В первой половине марта 1917 г. появились слабые признаки возможного возобновления Государственной думой своих законодательных функций. 14 марта на вечернем заседании Временного правительства (журнал № 18) по представлению военного министра А. И. Гучкова было постановлено: «Предоставить Военному Министру внести представление об изменении порядка передачи наследникам и использовании оставшихся после убитых казаков седел на рассмотрение Государственной Думы».⁶¹

4. Могло ли Временное правительство распустить ВКГД в марте 1917 года?

В начале марта 1917 г. Временное правительство, как считает исследователь, не могло распустить ВКГД и никаких серьезных шагов к этому не предпринимало.⁶² Что же могло помешать Временному правительству попробовать реализовать те идеи относительно судьбы ВКГД, которые оно обсуждало на своем заседании 3 марта 1917 г.?

Несомненно, что Государственная дума своим участием в революции значительно подняла свой авторитет в обществе и среди народных масс. Огромнейшее количество приветственных телеграмм, со словами восторга, восхищения и поддержки шагов Государственной думы, стекалось в Таврический дворец со всех сторон России. Секретарь председателя Государственной думы В. Н. Садыков шутливо говорил, что телеграмм получено «четыре аршина».⁶³ На начало марта их насчитывалось около 14 тысяч; в дальнейшем число телеграмм перевалило за 20 тысяч.⁶⁴

Напомним, что в дни революции на местах были созданы различные Временные исполнительные комитеты как органы новой революционной власти. Эти органы народовластия конструировались по примеру ВКГД и заявляли о своем подчинении Комитету Думы.⁶⁵ О создании и природе Временных исполкомов члены ВКГД получали информацию с мест. Временное правительство тоже было прекрасно осведомлено об этом, что подтверждается радиотелеграммой Временного правительства за границу. В ней говорилось следующее: «Из ряда городов получают сообщения о присоединении их к действиям Временного Комитета Г[осударственной] Думы, и о создании подобных же временных органов власти».⁶⁶ Формально, в случае роспуска ВКГД, должен был встать и вопрос о ликвидации этих комитетов. Несомненно, что в марте 1917 г. у Временного правительства не было сил и достаточного политического влияния, чтобы ввязаться в острую политическую борьбу на территории всей России с многочисленными и влиятельными тогда исполкомами общественных организаций.

С мест поступали телеграммы, в которых содержался призыв к установлению единовластия Временного комитета Государственной думы. Саратовские земцы считали, что это необходимо сделать «во избежание анархии и двоевластия».⁶⁷ Среди телеграмм, резолюций и воззваний встречались и такие, в которых власть ВКГД признавалась вплоть до образования постоянного правительства. Например, подобная телеграмма была послана 2 марта полковником Софроновичем из г. Покрова Владимирской губернии от имени 21-го пехотного полка.⁶⁸ Еще раньше, 1 марта 1917 г., аналогичное постановление приняли офицеры, находящиеся в Петрограде: «Признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до образования постоянного правительства».⁶⁹ На следующий день в «Известиях» Комитета петроградских журналистов это постановление было опубликовано с уточнением, «имеющим важное значение, как выражение мнения офицеров»: «Признать власть Исполнительного Комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительного собрания».⁷⁰ Конечно, современники событий понимали разницу между правительствами «временным» и «постоянным», но офицеры, группировавшиеся вокруг «Собрания офицеров Армии и Флота», узнав о создании Временного правительства, поспешили сделать приведенное выше уточнение. Подчеркнем, что об этом постановлении были осведомлены и члены ВКГД, и члены Временного правительства. Постановление было заверено П. Н. Милуковым, А. Ф. Керенским и М. А. Карауловым.⁷¹

Власть ВКГД признавалась суверенной рядом учреждений и после образования Временного правительства. 5 марта 1917 года служащие Русского музея императора Александра III обратились во ВКГД с обещанием «работать на благо Родины при новом государственном строе, во всем следуя распоряжениям Исполнительного Комитета Государственной Думы».⁷²

Необходимо также учитывать, что в широких слоях населения не задумывались о юридической природе Временного комитета, для многих ВКГД и Государственная дума были неразрывно связаны. Такие настроения присутствовали, в частности, в армии и на флоте. Например, Собрание уполномоченных от солдат и матросов Моонзундской позиции, проходившее уже после образования Временного правительства, постановило осуществлять «немедленное опубликование всех постановлений, приказов, манифестов и распоряжений Исполнительного Комитета и Государственной Думы».⁷³ Члены Временного правительства не могли не учитывать поддержку ВКГД, которая была ему оказана со стороны офицерства, а также части солдат и матросов. Обострять отношение с военными правительству было крайне невыгодно.

Большим влиянием пользовалась Государственная дума у рабочих. Б. Д. Гальперина пишет, что «в провинции многие рабочие еще питали иллюзии относительно этого учреждения. Им казалось, что в ликвидации царского строя есть заслуги Государственной думы». Гальперина пишет о том, что в адрес Думы пришли «сотни резолюций и приветственных телеграмм от рабочих Минской, Рязанской, Самарской, Ярославской, Екатеринославской и других губерний России».⁷⁴

Телеграммы с мест показывали, что в глазах населения зачастую власть Государственной думы, ее органа — ВКГД и власть Временного правительства неразрывны. 4 марта 1917 г. Петроградское губернское земское собрание приветствовало «Временный исполнительный комитет Государственной думы и образованное им правительство, как единственную законную власть в России».⁷⁵ Конечно, эту неразрывную связь старалась подчеркнуть и сама Государственная дума, эту идею проводили отдельные депутаты. Так, член Думы П.П.Кузьмин (националист) в телеграмме, опубликованной 21 марта, обращался к земским управам со следующим разъяснением: «Народ вручил исполнительному комитету Государственной Думы временное правление страной, который работает в единение с новым кабинетом».⁷⁶

Временное правительство в марте 1917 г. также считало ВКГД органом Государственной думы, не ставило под сомнение законность его существования и прибегало к его помощи. Это, в частности, подтверждают формулы постановлений в журналах заседаний Временного правительства: «Просить Государственную Думу в лице Временного исполнительного Комитета».⁷⁷

В радиотелеграмме, составленной П.Н.Милюковым и разосланной от имени Временного правительства, указывалось, что в заявлениях, выпущенных ВКГД, «постоянно упоминается о твердом решении народного представительства и национального правительства сделать все усилия и принести все жертвы для достижения решительной победы над врагом».⁷⁸ Тем самым Временное правительство в начальный период своей деятельности не только констатировало фактические действия ВКГД, но и пропагандировало неразрывность связи власти ВКГД и Временного правительства.

В период между Манифестом Николая II и Актом Михаила Александровича стало формироваться другое понимание комбинации новой власти. Управляющий Троицкой железной дороги Устинов отправил в адрес министра путей сообщения и ВКГД телеграмму, в которой писал: «<...> грудью встанем против врагов нашего государя Михаила Александровича, Государственной Думы и министров».⁷⁹ Но это понимание быстро исчезло, вслед за отказом Михаила принять в свои руки Верховную власть.

Первое время в народе присутствовали суждения, которые говорили о смешении понятий «Государственная дума» и «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов». В марте 1917 г. в Таврический дворец пришло немало посланий, адресованных «В Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов Государственной Думы».⁸⁰ Также можно отметить наличие представлений о том, что именно совместная деятельность Думы и Петроградского Совета станет гарантией защиты завоеваний революции.

Постепенно сложилось мнение о трехчленной конструкции Временной власти: источник власти — Государственная дума или ее Временный комитет, орган контроля и поддержки — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и третий элемент — Временное правительство. В жизненности такой власти были убеждены некоторые влиятельные думцы. По свидетельству А.С.Зарудного, 16 марта кадет М.С.Аджемов заявил: Временное правительство, Совет рабочих депутатов и Государствен-

ная дума — «вот тройная сила, кот[орая] приведет нас к Учредительному собр[анию]».⁸¹ Т.е., в любых комбинациях Государственной думе отводилась роль существенного элемента Временной власти. Вместе с тем необходимо разъяснить, что, во-первых, роль Думы как источника власти дополнялась ее соучастием во власти через личный союз (члены Государственной думы — министры Временного правительства)⁸² и через комиссаров ВКГД, наделенных властными полномочиями,⁸³ и, во-вторых, роль Петросовета как органа контроля и поддержки расширялась, благодаря признанию его источником власти (согласование вопроса между Думой и Исполкомом Совета о создании Временного правительства).

Кроме общественного мнения, важную роль в определении дальнейшей судьбы Государственной думы играли взгляды членов Временного правительства. К сожалению, не все они открыто заявляли о своих проили антидумских позициях. Хотя, благодаря думской идентификации министров можно определить их отношение к Государственной думе.

Напомним, что в состав Временного правительства вошло 8 депутатов — министр иностранных дел П.Н.Милюков (кадет), министр юстиции А.Ф.Керенский (эсер), министр торговли и промышленности А.И.Коновалов (прогрессист), министр путей сообщения Н.В.Некрасов (кадет), министр земледелия А.И.Шингарев (кадет), обер-прокурор Св. Синода В.Н.Львов (центр), министр по делам Финляндии Ф.И.Родичев (кадет) и государственный контролер И.В.Годнев (октябрист).

Войдя во Временное правительство, кадеты П.Н.Милюков, Н.В.Некрасов, Ф.И.Родичев и А.И.Шингарев должны были действовать в рамках постановления ЦК партии кадетов, который 3 марта постановил оставить впредь в бездействующем состоянии ВКГД и не созывать Государственную думу.⁸⁴ Министры-кадеты постарались отмежеваться от Государственной думы. Последнее видно по тому, что они, подписывая указы и циркуляры по министерствам, не указывали на свою депутатскую принадлежность. В «Вестнике Временного правительства» было опубликовано 2 циркуляра (от 4 марта за № 1 и от 28 марта 1917 за № 5) и 2 приказа (от 5 марта за № 1 и от 17 марта 1917 за № 2) по Министерству иностранных дел. Эти документы подписаны следующим образом: «Министр иностранных дел П.Милюков».⁸⁵ Н.В.Некрасов опубликовал в том же издании 4 приказа (б/н от 5 марта, № 1 (31) от 6 марта, № 7 (37) от 10 марта, № 19 (49) от 27 марта) и 1 сообщение. Под ними стояла подпись: «министр путей сообщения Н.Некрасов».⁸⁶ Шингарев опубликовал в «Вестнике Временного правительства» два приказа (№ 4 от 15 марта, № 7 от 20 марта) и одно обращение, которые подписал «Министр земледелия А.Шингарев».⁸⁷ Но здесь же напомним, что Шингарев был сторонником сохранения ст. 87, а значит, и предполагал возобновление законодательной деятельности Думы. Приказов Ф.И.Родичева в «Вестнике Временного правительства» не публиковалось. Но нам известно, что он подписывал свои распоряжения как «Министр Родичев».⁸⁸

И хотя мы считаем, что кадеты сыграли главную роль в том, чтобы сорвать возобновление законодательной деятельности Государственной думы, но в то же время внутри кадетской партии, вернее, думской фрак-

ции кадетов, существовали иные настроения. Речь идет о сохранении Государственной думы, ее органов и позиции в них кадетов. Когда встал вопрос о пополнении ВКГД в связи с вхождением его членов в состав Временного правительства, неожиданно выяснилось, что парламентская фракция продолжает считать П.Н.Милюкова членом ВКГД и членом Совета старейшин Государственной думы, а А.И.Шингарева – членом Совета старейшин. Кадетская фракция настаивала на сохранении за ними членства во Временном комитете Думы и Совете старейшин. Кадетская фракция не назвала своих кандидатов вместо П.Н.Милюкова и А.И.Шингарева. Но учитывая, что они, обремененные обязанностями министров, фактически не могли исполнять своих обязанностей членов Совета старейшин и ВКГД, кадетская фракция выдвинула М.С.Аджемова и П.В.Герасимова в Совет старейшин, а В.А.Маклакова во Временный комитет Думы в качестве временных представителей.⁸⁹ Заметим, что и сам Милюков, уже получив пост министра иностранных дел, некоторое время продолжал считать себя членом ВКГД. 3 марта было опубликовано обращение «Офицеры с солдатами и народом», которое Милюков заверил так: «Член Временного Комитета Павел Милюков».⁹⁰ Не спешил расстаться со своими думскими постами и Н.В.Некрасов. Только 20 марта было опубликовано сообщение о том, что Некрасов подал заявление на имя М.В.Родзянко о сложении с себя звания товарища председателя Государственной думы.⁹¹ Возможно, что настроения членов парламентской фракции кадетов заставили ЦК партии кадетов несколько скорректировать свою позицию относительно судьбы Государственной думы. 9 марта ЦК кадетской партии принял постановление: «Признать желательным сохранение Временного комитета Государственной Думы для деловой работы, преимущественно для пропаганды, но не придавать ему юридически формального значения как источника власти».⁹²

В «Вестнике Временного правительства» было опубликовано 5 приказов В.Н.Львова (№ 4 от 7 марта, № 5 от 10 марта, № 6 от 21 марта, 2 приказа от 22 марта, один из которых за № 7). Все они подписаны так: «Обер-прокурор святейшего синода Владимир Львов».⁹³ Львов, получив пост обер-прокурора, занял резкую антидумскую позицию. Депутат Н.В.Савич вспоминал: «Увидев нас, членов Государственной Думы, он начал стучать по столу и кричать: “Плевать мне теперь на Думу, я получил власть из рук революционного народа”».⁹⁴ Однако и В.Н.Львов в практической деятельности обер-прокурора, видимо, прикрывался своим думским мандатом и шантажировал иерархов Церкви членством во Временном комитете Государственной думы. На это показывают некоторые обстоятельства конфликта, разразившегося после вступления В.Н.Львова в должность обер-прокурора между ним и рядом членов Св. Синода. В адрес нового обер-прокурора были выдвинуты обвинения во вмешательстве государства во внутренние дела Церкви. 8 марта присутствовавшие в Св. Синоде архиепископы Сергей, Тихон, Арсений, Михаил, Иоаким и Василий сообщали, что «в Св. Синоде обер-прокурор не только не остается фактическим хозяином и начальником, как при прежнем режиме, но, как член Исполнительного Комитета, оказывается на неопределенное время до созыва

Собора и безапелляционным вершителем церковных дел». Авторы послания отказались принимать участие в заседаниях Синода до тех пор, пока В.Н.Львов остается обер-прокурором. В.Н.Львов ответил им, что он «облечен властью Исполнительным Комитетом Государственной Думы, и что он не сложит своих полномочий, так как не считает синодских иерархов представителями церкви».⁹⁵ Таким образом, в конфликтной ситуации В.Н.Львов был вынужден обратиться за моральной поддержкой к источнику власти – Государственной думе и ее Комитету.

Каких-либо приказов за подписью государственного контролера И.В.Годнева в «Вестнике Временного правительства» не публиковалось. Но в интервью корреспонденту «Биржевых ведомостей» Годнев заявил, что он является сторонником возобновления деятельности законодательных палат и ответственного министерства.⁹⁶

А.И.Коновалов опубликовал в «Вестнике Временного правительства» 2 обращения,⁹⁷ 7 приказов (№ 2 от 7 марта, № 3 от 8 марта, № 4 от 9 марта, № 6 от 11 марта, № 7 от 14 марта, № 8 от 15 марта, № 12 от 27 марта)⁹⁸ и 2 постановления как председатель Особого совещания по топливу.⁹⁹ Из 11 опубликованных документов¹⁰⁰ 6 подписано как «Министр торговли и промышленности, член Гос[ударственной] Думы А.Коновалов». Начиная с 15 марта, Коновалов уже не указывал свою думскую принадлежность.¹⁰¹

А.Ф.Керенский в марте 1917 г. в своих заявлениях и речах неоднократно напоминал, что он является членом Государственной думы; давал высокую оценку деятельности Государственной думы и ее членов в дни Февральской революции и последующий период. 2 марта вечером Керенский произнес речь в Екатерининском зале Таврического дворца, обращенную к солдатам и гражданам, в которой заявил: «Товарищи, солдаты и граждане, я член Государственной Думы А.Ф.Керенский – министр юстиции, <...> объявляю во всеулышание, что новое временное правительство вступило в исполнение своих обязанностей».¹⁰² 4 марта, вступая в фактическое управление министерством юстиции, Керенский обратился к чиновникам и служащим министерства со следующими словами: «Господа, я принял от Исполнительного Комитета Гос[ударственной] Думы – пост блюстителя права и законности в стране».¹⁰³

Позднее Керенский особо подчеркивал роль членов Государственной думы на фронте. Он говорил, что в результате поездок и бесед депутатов с солдатами разрешились все сомнения, которые возникали между солдатами и офицерами.¹⁰⁴ В официальных документах, где подписи Керенского шла первой (или он подписывал единолично) наблюдается следующая картина. Всего в «Известиях» Комитета петроградских журналистов и «Вестнике Временного правительства» в марте 1917 г. было опубликовано 11 таких документов. Среди них: 6 приказов (№ 1 от 2 марта, № 2 и б/н от 3 марта, б/н от 9 марта, два приказа б/н от 23 марта),¹⁰⁵ 1 распоряжение (от 2 марта),¹⁰⁶ 1 циркуляр,¹⁰⁷ 2 обращения (от 2 и 6 марта)¹⁰⁸ и 1 акт (от 5 марта).¹⁰⁹ В большинстве случаев до 9 марта он указывал в официальных документах свою думскую принадлежность.¹¹⁰

Что касается других министров, которые не являлись членами Государственной думы IV созыва, то среди них тоже можно указать как про-

тивников, так и сторонников Государственной думы. Князь Г.Е.Львов, возглавивший Временное правительство, по словам Н.В.Савича, являясь кандидатом думской фракции кадетов, «был чужой для Думы человек, она его мало знала, он ее не знал совершенно, не мог ей доверять».¹¹ На продумских позициях стоял военный и морской министр А.И.Гучков. Он рассматривал Государственную думу как высший орган власти, опираясь в практической деятельности на ее депутатов и думские структуры.

Таким образом, в дни Февральской революции ВКГД приобрел характер Верховной власти, которую он не хотел полностью терять и после образования Временного правительства. Конечно, Родзянко вряд ли собирался провозгласить себя «царем» или «президентом». Скорее всего, в той конструкции власти, которую Родзянко излагал Алексееву и Рузскому утром 3 марта, он намеревался утвердить за ВКГД функции Верховного органа власти.

Нам кажется, что обсуждение вопросов о судьбе Государственной думы, ВКГД, Основных законов и 87-й ст. в ходе заседания Временного правительства 3 марта было вызвано именно этим планом Родзянко сохранить характер Верховной власти за комитетом. Вполне возможно, что Временное правительство предполагало использовать этот журнал заседания в целях политического давления на М.В.Родзянко в случае, если Родзянко будет излишне активен в поисках верховенства для ВКГД.

Приведенные выше материалы показывают, что в марте 1917 г. Временное правительство так и не отменило ни Основных законов, ни 87-й статьи.

Можно утверждать, что среди членов Временного правительства не было единомыслия относительно дальнейшей судьбы Государственной думы. Г.Е.Львов, П.Н.Милоков, Н.В.Некрасов, Ф.И.Родичев и В.Н.Львов были готовы вывести Государственную думу из политической жизни страны. Но даже противники Думы зачастую прибегали к ее помощи в трудных ситуациях. Среди тех, кто считал заслуги Думы высокими и не отрицал возможности использовать думский авторитет, опыт, кадры, а при определенных условиях и законодательные функции, были А.Ф.Керенский, А.И.Коновалов, А.И.Гучков, И.В.Годнев и А.И.Шингарев. Конечно, продумские настроения части состава Временного правительства, пусть и находящейся в меньшинстве, а также общественное признание революционных заслуг Думы не могли способствовать ликвидации Государственной думы, быстро изгнанию ее с политической арены тогдашней России.

Таким образом, ситуация марта 1917 г. исключала возможность роспуска ВКГД, т.к. он являлся органом Государственной думы, которая в глазах широких слоев русского общества выступала как сила, сыгравшая существенную организаторскую роль в победе Февральской революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С.54-112.

² В Ставке выдумали новую формулу правительственной власти — «ответственное министерство общественного доверия».

³ Документ к «Воспоминаниям» ген[ерала] А.Лукомского // Архив русской революции. М., 1991. Кн.2, т.3. С.254,255,256. В.И.Старцев пишет, что, соглашаясь в ночь с 1 на 2 марта передать Государственной думе право сформировать новое правительство, Николай II «сохранил за собой право назначения главы правительства и четырех главных министров (военного, иностранных и внутренних дел, министра императорского двора)» (*Старцев В.И.* Передача власти от Николая II Временному правительству: (юридическая сторона). Тезисы доклада для секции «Вопрос о власти и ее легитимности в русской революции. Февраль-октябрь 1917 г.» на 25-й конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS). 17 ноября 1994 г. Филадельфия. С.2). Заметим, что в известных нам публикациях проекта манифеста слов об этом праве императора обнаружить не удалось (См.: Документ к «Воспоминаниям» ген[ерала] А.Лукомского. С.253-254; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С.407).

⁴ Документ к «Воспоминаниям» ген[ерала] А.Лукомского. С.256.

⁵ В.И.Старцев пишет по этому поводу: «На подобный компромисс либеральные деятели соглашались летом 1906 г. Тогда они приняли бы его с верноподданническим восторгом и монархия в России могла бы существовать еще долго. Такой шаг Николая II оппозиция приветствовала бы и осенью 1915 г. Даже если бы о таком решении было бы объявлено 22 февраля 1917 г., это удвоило бы либеральную оппозицию в Думе и она вместе с царем постаралась бы отсрочить или вовсе предотвратить надвигающуюся революцию» (*Старцев В.И.* Передача власти от Николая II Временному правительству... С.2-3).

⁶ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов. М., 1996. С.154.

⁷ Февральская революция 1917 года: (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С.9,26,29.

⁸ «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

⁹ «Известия» КПЖ. 1917. 2-3 марта. № 6-7 (Типография газеты «Русская воля» — Ивановская, 14).
¹⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Л., 1991. Т.1. С.21.

¹¹ Там же. С.48.

¹² Необходимо отметить, что этот вопрос, впервые после известной монографии покойного В.И.Старцева, получил подробное освещение на проходивших в мае 1998 г. и ноябре 1999 г. в РГПУ им. А.И.Герцена семинарах «Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году», участие в которых принимал и автор настоящего исследования. С основными сообщениями и комментариями о думских и внедумских политических силах, заинтересованных в претворении в жизнь формул «ответственного министерства» и «кабинета доверия» как в предфевральский период, так и непосредственно в февральские дни 1917 г. выступили Б.М.Витенберг и С.М.Ляндрес. Эти же вопросы подробно рассматриваются в подготовленной к печати монографии С.М.Ляндреса о Временном правительстве.

¹³ Речь П.Н.Милокова о новом правительстве // «Известия» КПЖ. 1917. 2 марта. № 6. (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

¹⁴ От Временного Правительства // «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

¹⁵ Манифест Николая II // «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 8 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

¹⁶ Документ к «Воспоминаниям» ген[ерала] А.Лукомского. С.265.

¹⁷ Февральская революция 1917 года: (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта). С.25,26.

¹⁸ Там же. С.29.

¹⁹ *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С.393.

²⁰ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С.104; И.Л.Архипов тоже приводит содержание переговоров Родзянко с Рузским, но неожиданно характеризует их через суждения Старцева о том, что Родзянко вел «свою личную игру, намереваясь получить пост Председателя Совета министров из рук Николая II» (*Архипов И.Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С.126). Но эти слова Старцева относятся к переговорам М.В.Родзянко с Н.В.Рузским в 3 часа ночи на 2 марта 1917 г. (См.: *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства... С.76).

²¹ РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1353. Л.156.

²² Февральская революция 1917 года: (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта). С.22.

²³ Изложение телеграммы М.В.Алексеева А.А.Брусилову было помещено в приказ по отделу генерал-квартирмейстера Штаба VII-й армии за № 938. Приказ был подписан генерал-квартирмейстером генерал-майором А.А.Незнамовым 3 марта 1917 г. в 11 часов 40 минут вечера. К.А.Военский снял копию «с подлинного приказа в субботу 4 марта 1917 г. в м. Бучаче в Галиции, в квартире нач[альника] операт[ивного] отдела штаба VII Армии Ген[ерального] штаба подполк[овника] Бориса Андроновича Левицкого» (ОР РНБ. Ф.152. Оп.4. Д.196. Л.1-2 об.).

- ²⁴ Цит. по: Катков Г.М. Указ. соч. С.344.
- ²⁵ Февральская революция 1917 года: (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта). С.22.
- ²⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. С.46-103. Нами просмотрены документы и материалы Петроградского Совета за 1-3 марта 1917 г.
- ²⁷ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.143-145; Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.262-265; Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. М., 1991. Кн.3, т.6. С.63-66; Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т.1, кн.1-2. С.147-154, 173-176; Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С.225-231.
- ²⁸ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С.316-318, 327-328; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. С.343, 347; Злоказов Г.И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль-июнь 1917 г.). М., 1969. С.62-67; Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С.91-94; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.299-302, 306-307; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.65-72, 87-90.
- ²⁹ Там же. С.109.
- ³⁰ Отречение великого князя Михаила Александровича // «Известия» КПЖ. 1917. 4 марта. № 9 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ³¹ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.208; Старцев В.И. Передача власти от Николая II Временному правительству... С.4.
- ³² Старожилов В.Н. Февральская революция 1917 г. // Научные известия: Экономика, история, право. М., 1922. Сб.1. С.143-144.
- ³³ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.116.
- ³⁴ Февральская революция 1917 года. С.161-162.
- ³⁵ Мальшева С.Ю. Временное правительство России: Современная отечественная историография. Казань, 2000. С.54.
- ³⁶ Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. С.142.
- ³⁷ Там же. С.143.
- ³⁸ Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М., 1978. С.18.
- ³⁹ Нольде Б.Э. Указ. соч. С.143. К такому же в точности выводу о датировке журнала первого заседания Временного правительства пришел и С.М.Ляндрес, о чем при подготовке настоящего исследования его автору было неизвестно. Свои доводы Ляндрес впервые изложил в сообщении на ежегодной (25-й) конференции AAASS 17 ноября 1994 г. в Филадельфии (Секция: «Вопрос о власти и ее легитимности в русской революции. Февраль — октябрь 1917 г.»), а затем повторил на 27-й конференции AAASS 12 ноября 1996 г. в Бостоне (круглый стол по проблемам легитимности в русском и советском обществе в XIX-XX вв.).
- ⁴⁰ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т.1. С.24.
- ⁴¹ Витенберг Б.М. Яков Васильевич Глинка: жизнь в эпоху перемен // Из глубины времен. 1998. Вып.10. С.190; он же. Я.В.Глинка и его дневник // Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе, 1906-1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С.31.
- ⁴² Февральская революция 1917 года. С.161.
- ⁴³ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.116-117.
- ⁴⁴ Февральская революция 1917 года: (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта). С.37-38, 39-42.
- ⁴⁵ От Временного правительства // Российское законодательство X-XX веков. М., 1994. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С.125.
- ⁴⁶ Исследователь подчеркивает следующее: «Важная кодификационная особенность Основных законов заключается в том, что в их состав не вошли полностью все статьи из Учреждения Гос. Думы и Гос. Совета, а лишь самые важные из них. <...> В гл. 10 Основных законов содержится постановления о продолжительности сессий обеих палат, об их созыве и роспуске, о составе членов обеих палат и их правах законодательной инициативы и запроса (ст. 99-101, 104, 105, 108 и 110-113). Эти статьи Основных законов соответствуют статьям 2-4, 32, 33, 49, 51 Учр. Гос. Думы и статьям 2, 9, 10, 30, 43, 44, 47, 51 Учр. Гос. Совета» (Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С.152).
- ⁴⁷ 87-я статья Основных законов позволяла Совету министров «во время прекращения занятий Государственной думы» и при чрезвычайных обстоятельствах представлять законодательные акты непосредственно на утверждение царю, превращая их тем самым в чрезвычайные указы Верховной власти (подробнее см.: Демин В.А. Государственная Дума России (1906-1917): механизм функционирования. М., 1996. С.64-65).
- ⁴⁸ В путевком ведомстве // Русская воля. 1917. 9 марта (веч. вып.).
- ⁴⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.476. Л.8,10.
- ⁵⁰ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пгт., 1917. Вып.1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. С.109-111.

- ⁵¹ Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С.36.
- ⁵² РГИА. Ф.1405. Оп.532. Д.1512. Л.14.
- ⁵³ Там же. Ф.1278. Оп.10. Д.9. Л.107.
- ⁵⁴ Гайда Ф.А. Указ. соч. С.36.
- ⁵⁵ Сборник указов и постановлений Временного правительства. С.67.
- ⁵⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 19 августа 1917. № 199. Отдел первый. № 1228: (О порядке направления дел, требовавших до 27 февраля 1917 года утверждения императорской власти). Пгт., 1917. С.2108.
- ⁵⁷ Сборник указов и постановлений Временного правительства. С.141.
- ⁵⁸ Беседа с председателем Совета Министров кн. Г.Е.Львовым // Биржевые ведомости. 1917. 6 марта (веч. вып.).
- ⁵⁹ Савич Н.В. Указ. соч. С.225.
- ⁶⁰ Речь П.Н.Милюкова о новом правительстве // «Известия» КПЖ. 1917. 2 марта. № 6 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁶¹ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.9. Л.95.
- ⁶² Гайда Ф.А. Указ. соч. С.35.
- ⁶³ Четыре аршина телеграмм / В Таврическом дворце // Биржевые ведомости. 1917. 10 марта (веч. вып.).
- ⁶⁴ К сожалению, этот массив источников до сих пор не исследован.
- ⁶⁵ Удалось выявить следующие исполкомы общественных организаций, которые подчинились ВКГД: Временный общественный исполнительный комитет г. Царева Астраханской губернии (2 марта); Обывательский комитет г. Юрьева-Польского Владимирской губернии (3 марта); Нижегородский комитет городской думы, рабочих и общественных организаций (2 марта); Самарский комитет охраны правильного течения жизни (2 марта); Комитет общественной безопасности г. Барнаула Томской губернии (4 марта); Объединенный комитет г. Кузнецка Томской губернии (5 марта); Исполнительный комитет г. Новозыбкова Черниговской губернии (4 марта) (ОР РНБ. Ф.152. Оп.4. Д.168. Л.5,12,47,71,93,104).
- ⁶⁶ Радиотелеграмма за границу // «Известия» КПЖ. 1917. 4 марта. № 9 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁶⁷ ОР РНБ. Ф.152. Оп.4. Д.168. Л.72.
- ⁶⁸ Там же. Л.12.
- ⁶⁹ Постановление офицеров собрания Армии и Флота // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁷⁰ Постановление офицеров собрания Армии и Флота // Там же. 2 марта. № 5 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁷¹ Офицеры с солдатами и народом // Там же. 3 марта. № 7. (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁷² РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1353. Л.30.
- ⁷³ Там же. Оп.10. Д.12. Л.19 а.
- ⁷⁴ Хотя в этой же работе Б.Д.Гальперина подчеркивает преобладание у петроградских рабочих в марте-апреле 1917 г. большого недоверия к Государственной думе. Гальперина утверждает, что «наиболее сознательные рабочие, находившиеся под влиянием большевиков, с первых дней Февральской революции требовали формального роспуска Думы как остатка старого строя и высказывали недоверие ее деятельности» (Гальперина Б.Д. Петроградские рабочие и Государственная дума (март-июль 1917 г.) // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917-1918 гг. М., 1986. С.41-42).
- ⁷⁵ Чрезвычайное петроградское губернское земское собрание // Биржевые ведомости. 1917. 8 марта (веч. вып.).
- ⁷⁶ Телеграмма члена Госуд[арственной] Думы Кузьмина Земским Утравам / Хроника // Рязанская жизнь. 1917. 21 марта.
- ⁷⁷ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.9. Л.65 и др.
- ⁷⁸ Радиотелеграмма за границу // «Известия» КПЖ. 1917. 4 марта. № 9 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁷⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1353. Л.21.
- ⁸⁰ Николаев А.Б., Поливанов О.А. К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.134.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 857. Оп.1. Д.43. Л.52.
- ⁸² Петрова Д.В. Четвертая Государственная дума: (историко-правовое исследование). Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1969. С.321.
- ⁸³ См.: Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.): Персональный состав // Из глубины времен. 1995. Вып.5. С.49-55.
- ⁸⁴ Вестник партии народной свободы. 1917. № 1. С.13.
- ⁸⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 8, 18 и 29 марта.

⁸⁶ Там же. 7, 11, 28 марта.

⁸⁷ Там же. 8, 18, 29 марта.

⁸⁸ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.7. Л.106

⁸⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта; РГИА. Ф. 1278. Оп.5. Д.1158. Л.22,24.

⁹⁰ «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

⁹¹ Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 20 марта (веч. вып.).

⁹² Цит. по: *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С.330.

⁹³ Вестник Временного правительства. 1917. 15, 16, 23, 25 и 29 марта.

⁹⁴ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.222.

⁹⁵ Синодские недоразумения // Новое время. 1917. 14 марта; РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.43. Л.28.

⁹⁶ Беседа с государственным контролером // Биржевые ведомости. 1917. 9 марта (веч. вып.).

⁹⁷ Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

⁹⁸ Там же. 8,10, 11, 14, 15, 17, 29 марта.

⁹⁹ Там же. 1917. 19 и 21 марта.

¹⁰⁰ Приказы и постановления за подписью А.И.Коновалова отложились также в РГИА (См.: Ф.23. Оп.1. Д. 460. Л.10-11).

¹⁰¹ Заметим, что без указания на членство в Думе Коновалов подписал обращение «От министра торговли и промышленности к трудящимся» (Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта), постановления председателя Особого совещания по топливу от 9 и 16 марта (Там же. 19 и 21 марта), приказы № 8 от 15 марта и № 12 от 27 марта (Там же. 17 и 29 марта).

¹⁰² От министра юстиции А.Ф.Керенского и председателя Совета Рабочих Депутатов // «Известия» КПЖ. 1917. 2-3 марта. № 6-7 (Типография газеты «Русская воля»...).

¹⁰³ В министерстве юстиции // Биржевые ведомости. 1917. 5 марта (утр. вып.); Разные известия // Солдатское слово. 1917. 7 марта.

¹⁰⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта.

¹⁰⁵ Там же. 12 и 29 марта; «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

¹⁰⁶ «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

¹⁰⁷ Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

¹⁰⁸ Там же; «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

¹⁰⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта.

¹¹⁰ До 9 марта он подписывал официальные документы следующим образом: «Член Гос[ударственной] Думы, министр юстиции, гражданин А.Керенский», «Министр юстиции, член Гос[ударственной] Думы, гражданин А.Керенский», «Министр юстиции, член Гос[ударственной] Думы А.Керенский», «Министр юстиции, член Гос[ударственной] Думы, Тов[арищ] Председ[ателя] Совета Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов] Александр Керенский».

На указание (или замалчивание) своей думской принадлежности членами Временного правительства в публичных документах обратил в свое время внимание и С.М.Ляндрес. Об этом он говорил в упоминавшемся уже выше сообщении на 27-й конференции АААСС в Бостоне, а также на втором международном семинаре «Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году» (25 ноября 1999 г., Санкт-Петербург).

¹¹¹ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.225.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственная дума стала втягиваться в революцию уже с утра 27 февраля. Главным шагом в этом направлении стали заседания Совета старейшин и Частного совещания членов Государственной думы, в ходе которых были приняты решения, предопределившие превращение Государственной думы в центр революции. Признание указа о роспуске Государственной думы на каникулы, отказ депутатов расходиться, создание ВКГД и т.д. ясно давали понять, что Дума готова встать во главе революционного движения, цели которого первоначально не были до конца ясны. Но во всяком случае, они предполагали создание новой власти и нового правительства. При этом были заложены некоторые важные элементы Временной власти. Среди них: отсутствие во властном механизме нормально действующего парламента и чрезвычайные полномочия формирующегося правительственного органа.

Тогда же, т.е. утром-днем 27 февраля, Государственная дума стала превращаться в штаб восстания. Депутаты Государственной думы, а также представители различных организаций повели агитацию за движение восставших солдат к Таврическому дворцу. В Государственной думе солдаты и рабочие попадали под организационное влияние складывающейся Военной комиссии — «штаба Керенского». Именно эта неформальная структура сыграла важную роль в борьбе восставших солдат и рабочих против военно-полицейских центров царской власти. К вечеру 27 февраля «штаб Керенского» сумел заполучить в свое распоряжение уже не только неорганизованные и плохо управляемые толпы солдат, но и воинские части, сохранившие командный офицерский состав. Это позволило действовать более продуманно и планомерно. Вечером 27 февраля «штаб Керенского» превратился в Военную комиссию ВКГД, которая затем была объединена с «повстанческим штабом» формирующегося Петроградского Совета рабочих депутатов.

Таким образом, Государственная дума сделала важный шаг с целью охватить своим влиянием всех восставших солдат и рабочих. Росту влияния Государственной думы способствовала политика революционного насилия, которую проводили А.Ф.Керенский и сотрудники его «штаба» начиная со второй половины дня 27 февраля. Приказы о занятии учреж-